

О ЯЗЫКЕ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

В. И. Копылов
(Орловский педагогический институт)

Философское наследие И. Канта было по достоинству оценено К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным и другими учеными и мыслителями. Его оригинальная философская система (настолько же своеобразная, насколько противоречивая) основана на синтезе ряда предшествующих философских направлений, в частности, на культоцентричности и катабасе Платона, рационализме Хр. Вольфа, агностицизме Д. Юма и в определенной степени экспериментальной методике Т. Гоббса. При этом наряду с содержательной стороной философии Канта хотелось бы отметить важность формы изложения, характерной для его научного творчества. Научная значимость исследования авторского слога не подлежит сомнению, поскольку именно в языке автора раскрываются новизна, специфика и направленность любого философского исследования. Поэтому творческое наследие Канта имеет большое значение не только с философской, но и с лингвистической точки зрения. Оно содержит богатейший материал, свидетельствующий об основных направлениях развития национального научного языка Германии этого периода.

В XVIII в. происходит интенсивное становление немецкого литературного языка. В отличие от Англии и Франции, где развитие национального литературного языка несколько опережало развитие языка науки, в Германии наблюдается относительная simultанность языковой эволюции. Язык литературы и язык науки развиваются почти параллельно, часто взаимно инкорпорируют в творчестве немецких мыслителей, ученых и литераторов. Так, поэты Ф. Г. Клопшток, И.-В. Гете, писатели И. Хр. Готшед, Г. Э. Лессинг, И. Г. Гердер по праву считаются выразителями философской мысли и как таковые упоминаются во многих философских источниках. В то же время творчество Хр. Вольфа, Х. А. Мейсснера, И. И. Винкельмана и И. Канта свидетельствует о значительном литературном даровании и богатом лингвистическом опыте. Эту особенность развития немецкой языковой культуры можно, видимо, объяснить относительно небольшими временными различиями в процессе делатинизации, который имел место во всех сферах общественной жизни Германии. Так, если в XVII в. Г. В. Лейбниц писал в основном на латыни, то уже у Хр. Вольфа основные произведения издаются как на латыни, так и на немецком языке. При этом, в отличие от Ф. Бэкона, который еще за 100 лет до Вольфа вынужден был переводить свои произведения с английского на латынь для лучшего языкового выражения своих мыслей, процесс философского языкотворчества последнего характери-

зуется противоположной тенденцией: от латыни к национальному языку.

Второй характерной чертой развития немецкого языка в этот период явилось, как известно, образование и распространение устойчивых словосочетаний, как адъективно-субстантивных, так и субстантивных¹. Это нашло отражение в языковой объективизации научных понятий у Канта и Винкельмана. И, наконец, в этот период относительно стабилизируется синтаксис немецкого языка, по крайней мере, в отношении научного творчества. Появляются новые возможности и устанавливаются новые традиции выделения ключевых компонентов в философском тексте.

В соответствии с установившейся традицией Кант также практикует билингвистический подход в своем творчестве, издавая свои работы одновременно на немецком языке и на латыни. И это было, видимо, не просто стремление отдать должное как национальному языку, так и установившимся академическим канонам. В XVIII в. влияние латыни в науке было еще весьма ощутимо даже в Англии², тем более в странах, где в университетской жизни доминировали католические традиции. Публикация работ параллельно на двух языках: национальном и научном, международном, — очевидно, облегчала распространение и издание трудов Канта в различных университетах и отдельных типографиях. Билингвизм оказал существенное влияние на характер творческого изложения в трудах Канта. При анализе трех основных его трудов — «*Kritik der reinen Vernunft*», «*Kritik der praktischen Vernunft*», «*Kritik der Urteilkraft*» — структура предложений на первый взгляд кажется чересчур комплексной и многословной (в среднем приходится 2—3 предложения на страницу). Однако эта комплексность становится объяснимой, если учесть, что почти каждое предложение является законченным высказыванием, актуализирующим цельнооформленную цепочку суждений. Здесь наряду со стремлением рационально изложить мысль прослеживается влияние латыни, а также принятого стиля философского изложения, поскольку в трудах Лейбница, Декарта, Вольфа и Юма, написанных на латинском языке, наблюдается то же явление.

Кант также остался верен традиции дедуктивного изложения и соответствующего оформления структуры текста своих произведений. Вначале дается исходная посылка или условие в виде вводного придаточного или группы придаточных предложений. Затем вводится вторая посылка в виде изъяснительного и определенного придаточного с переподчинением первой группе придаточных, далее следует заключение, представленное главным предложением. Таким же образом строится структура глав и частей произведений: вводная часть, обоснование, заключение.

Оставаясь верным философской направленности этого стиля изложения, Кант в то же время часто использует и общелитературные приемы для выделения главной мысли: образное сравнение, антитезу, гиперболу, метонимию, метафору. Но, в отличие от литературных произведений, содержательная сторона философских трудов Канта мотивируется более тесным тема-рематическим единством. Положения об исходных понятиях, их свойства и отношения не просто «соседствуют», а часто взаимопереходят одно в другое. Единство проводимой в работе темы и ее содержательного обоснования — ремы поддерживается также графическими средствами. Вслед за Лейбницем, Вольфом, Юмом Кант также выделяет ключевые термины прописными буквами (во всяком случае именно таким образом они выделяются одинаково во всех изданиях). Кроме того, так же, как Гоббс и Вольф, Кант выносит основные положения или просто ключевые термины, содержащиеся в тексте, в названия глав и абзацев. Но, в отличие от трудов Гоббса и Вольфа, эти положения выдвигаются не как краткий план содержания главы, а в виде краткой формулировки, суммирующей общую мысль, проводимую в данной главе. Таким образом, тема произведения поддерживается элементарными, но надежными графическими средствами. Это делает более четким и одновременно более доступным характер изложения. Следует отметить, что в работах Канта так же, как и в трудах Гоббса, последовательность изложения поддерживается элементами ретроспективной связи, т. е. при введении и обосновании философских понятий дается ссылка на уже имевшиеся исходные определения. Но, в отличие от Гоббса, Кант применяет эту методику на протяжении всего творчества, не ограничиваясь рамками отдельного произведения или главы. Так, определяя такое многозначное понятие, как «идея», Кант в различных работах выделяет «Platonische Ideen», «Kosmologische Ideen», «Ästhetische Ideen», «Transzendente Ideen» и т. д. Но при этом определение одних видов идей в какой-либо работе приводит к отсылке к определению других видов в предшествующих главах или трудах.

Наибольший интерес представляет философская терминология Канта. Философские термины мы определяем как слова или словосочетания, обозначающие то или иное явление в рамках определенной философской системы и включенные в качестве составных компонентов в терминологическую систему, актуализирующую систему понятий данной философии. Термины могут быть как общепринятые, так и авторские. Четкую границу между ними провести трудно, а в философской терминологии практически невозможно. В трудах Канта насчитывается более 400 активных терминов, частью заимствованных у других философов, правда, при определенных изменениях в структуре значения, а также ряд употребляемых впервые, т. е.

непосредственно авторских. Кроме терминов, заимствованных у Вольфа, Кант использовал терминологию Платона для выражения ключевых понятий философского гомоцентризма, в несколько меньшей степени — терминологию Гоббса и Юма. Используя термины Платона, Кант сохранил их семантику, но изменил прагматику применительно к своему мировоззрению. Часть термины заимствуются в исконной форме, но на латинском языке, например: πομπη [πομπη], φαεινομοιβη [φαεινομοιβη]; другие также в неизменной форме, но уже согласно принятому в философии обозначению: Ethik [εθικη]; Idee [ιδεα]; Αναμνησις [αναμνησις]. В дальнейшем часть искомых понятий толкуется на национальном языке, а перевод соответствующих слов воспринимается как создание немецких философских терминов. Так, понятие Νομης начинает во все большей степени вводиться термином Ding an Sich, Phaenomenon имеет более широкое толкование — Schein, а также метонимически связанные с ним Empfindung, Gefühl, Erfahrung. Γνωσις обозначается как Reine Vernunft. Ряд терминов заимствован из латыни без изменения формы: Aera, Analogia, Anima, Epocha, Harmonia Corporis cum Anima, Influxus physicus, Jurisdiktum, Proportia и т. д. Некоторые немецкие термины употребляются наряду с латинскими аналогами: Grundsatz — Axioma, Begierde — Appetitio, Thun — Actio.

Некоторые термины, заимствованные из латинских источников, флексионно оформлены согласно правилам немецкого языка: Vaculometrie, Phoronomie, Transzendent.

Часть терминов этического характера заимствована, очевидно, у Гоббса: Anger — Zorn, Appetite — Begierde (Appetitio), Charity — Humanität. Но наряду с переводом существенно изменяется и семантическое содержание этих терминов. Так, Anger определяется у Гоббса как Sudden Courage which is nothing else but appetite of overcoming present opposition³. В то же время Кант дает этому понятию несколько иное определение: Zorn — ist ein Schreck der zugleich die Kräfte zum Widerstand gegen das Übel schnell rege macht⁴. Таким образом, психологичность определения уступает место этическому толкованию.

Другой характерной чертой терминотворчества Канта является повсеместное использование составных терминов, тогда как в философии XVII в. использовались преимущественно однословные. Большинство терминов в его работах представлено двусоставными словосочетаниями: Reiner Vernunftschluß, Transzendentale Anthitetik, Allgemeine Urtheile, Schöne Kunst; Analogien der Erfahrung, Begriff der Vielheit, Kritik des Geschmacks и т. д. Многие термины состоят из трех и более компонентов, например: Analytik der reinen praktischen Vernunft, Deduktion der praktischen Grundsätze, Transzendentale Dialektik der Urteilkraft. Употребление Кантом составных терминов объяснимо и

с лингвистической, и с философской точки зрения. Во-первых, имеет место тенденция к распространению устойчивых словосочетаний, характерная для развития немецкого языка этого периода⁵. Во-вторых, в творчестве Канта наблюдается внедрение новых форм критического анализа, что требует дополнительных средств описания, в частности, введения дополнительных дифференцирующих компонентов.

Основным и решающим фактором в терминотворчестве является, как известно, изменение значения, т. е. сдвиг в семантической структуре лексических единиц, используемых в качестве терминов. Но, в отличие от терминологии естественных и точных наук, в философии этот сдвиг осуществляется не только в сторону большей конкретизации или дифференциации, но также и в направлении генерализации исходного значения. В философии Канта генерализация характерна для эволюции значений лексики, заимствованной из общелитературного языка, а также для ряда терминов, заимствованных из иных философских источников. Так, при введении в свою философскую систему понятия «Ich» Кант определяет его как ...ein Subjekt dem Gedanken, nur als Bestimmungen des Innerlichen; und dieses «Ich» kann nicht als Bestimmung eines anderen Dinges gebraucht werden⁶.

Значение этого местоимения изменяется, таким образом, от конкретного субъектно-личностного до обобщенно субъектно-личностного. Аналогичный процесс наблюдается и в дефиниции понятия Freyheit. Если Гоббс определяет эту категорию Freedom как «...Liberty, that signifieth properly the absence of Opposition⁷, а Вольф толкует ее как «...Zustand in dem der Mensch in seinen Handlungen von keinen anderen dependiert⁸, то Кант придает значению этого термина почти универсальный характер: «Freyheit ist die unbedingte Kausalität der Ursache in der Einleitung»⁹.

Значение многих других терминов образовано путем дифференциации. Например, понятие физического тела трактуется у Гоббса как материальная субстанция: «I will begin with the words Body and Spirit, which in the language of the schools are termed substances corporeall and incorporeall»¹⁰. Вольф определяет физические тела только через их взаимосвязь: «Körper sind zusammengesetzte Dinge in unserer Welt»¹¹. И, наконец, Кант, рассматривая тела не как сущности, а как явления, феномены, пишет: «Körper als solchen sind nicht Dinge an Sich, sondern Erscheinungen von solchen»¹². Таким образом, наблюдается переход от обобщенно-материального толкования Гоббса к обобщенно-метафизическому определению Вольфа и затем — к дифференцирующему определению Канта. Последний, в отличие от Гоббса, сужает понятие материального тела до отражения какой-то внеположенной данному телу сущности.

Определяя такую важную в логике и философии категорию, как «понятие», Гоббс сводит ее к общему представлению об объективной реальности: «And that notice of the objects without — is our conception thereof»¹³. Вольф считает, что понятие — это представление, свойственное нашему рассудку, о тех или иных явлениях: «Begriff ist eine Vorstellung einer Sache dem Verstande unseren Gedanken»¹⁴. Кант сужает объем значения этого термина, но одновременно как бы углубляет его, вводя признаки функциональности и непрерывности: «Begriffe sind Produkte des Verstandes, Funktionen der Spontanität derselben»¹⁵.

Следует также заметить, что увеличение числа составных терминов и дальнейшее развитие их значения отражают еще одну сторону терминотворчества Канта — тенденцию к установлению гиперогипонимических отношений между значениями терминов. Философский синтез требовал объединения наблюдаемых явлений или выводимых в процессе исследования категорий и постулатов в определенные тематические группы, установления стабильной иерархии отношений между ними, что и отразилось в развитии гиперогипонимических связей в терминологии Канта. Так, определяя понятие «Analytik» как наиболее позитивный подход к познанию истины (Analytik ist der wenigstens negative Proberstein der Wahrheit)¹⁶, Кант использует в дальнейшем видовые термины: Analytik der Grundsätze, Analytik der reinen praktischen Vernunft, Analytik transzendente. Термин «Anschauung» (воззрение, точка зрения) имеет следующее толкование: «Anschauung ist die Vorstellung die nur durch einen einigen Gegenstand gegeben werden kann»¹⁷. В дальнейшем выделяются разновидности, представленные терминами-гипонимами: Innere Anschauung, Intellectuelle Anschauung, Reine Anschauung. Широко употребляемое понятие «Antinomie» дифференцируется, и в дальнейшем употребляются такие гипонимы, как Antinomie des Geschmacks, Antinomien der Urteilkraft, Antinomien praktischen und theoretischen Vernunft и т. д.

Следует отметить еще одну особенность терминотворчества философа. Если сами дефиниции ключевых терминов располагаются, как правило, на заключительном отрезке текста, представляющем законченную цепочку философских суждений, то в содержательной структуре самой дефиниции термин, выражающий ключевое понятие, вводится в позиции и функции субъекта. Это весьма примечательная тенденция, поскольку изменение позиционно-функциональных характеристик терминов влечет немедленное изменение смысла всего высказывания в философском тексте. Принимая во внимание жесткую логику изложения, присущую немецкому философскому рационализму, можно заключить, что употребление Кантом терминов преимущественно в позиции и функции субъекта носит неслучайный характер. Сопоставим еще раз некоторые дефиниции у Гоббса и у Канта. Определяя значение терминов «милость», «гуман-

ность», Гоббс вводит их в предикативной позиции, Кант — в позиции субъекта: *Desire of Good to another — Benevolence, Good Will Charity*¹⁸. *Humanität bedeutet das allgemeine Teilnehmungsgefühl*¹⁹.

То же наблюдается в определении понятия «зла» и многих других философских и этических категорий: *...And that notice of objects without us is our conception thereof*²⁰. *Begriffe sind Produkte des Verstandes, Funktionen der Spontanität derselben*²¹. *Every man for his own part calleth that Evil which displeaseth him*²².

— *Übel ist ein «negatives Gute»*²³.

Как видно из вышеприведенных примеров, термины Гоббса, вводимые в предикативной части, раскрывают содержание или отношение к более широкому понятию. Учитывая эмпирическую традицию в английской философии Нового времени, а также постулативно-позитивный метод Гоббса, становится понятным его стремление использовать ключевые понятия в качестве «инструмента» толкования. Философский синтез Канта предполагает выражение объективной реальности как субстанции, независимой от нашего сознания и непостижимой для нашего рассудка. Постигаются только отдельные свойства и отношения, с помощью которых и выводится представление о том или ином ноумене. Поэтому в работах Канта доминирует функционально-субъективное употребление терминов.

Итак, язык философии Канта характеризуется следующими особенностями и тенденциями: 1) билингвизмом и определенным влиянием латыни на немецкий текст, 2) дедуктивной основой построения структуры текста глав и целых сочинений, 3) тесным тема-рема-тематическим единством содержательной структуры текста, 4) широким использованием элементарных графических средств, 5) тенденцией к появлению значительного числа составных терминов, 6) семантическим сдвигом в процессе развития терминологических значений как в сторону дифференциации, так и генерализации, 7) установлением гиперогипонимических отношений между значениями терминов, 8) выдвиганием терминов в позиции и функции субъекта содержательной структуры высказывания. Все эти тенденции отражают закономерность создания стройной, цельной терминологической системы, которая в дальнейшем нашла широкое применение в различных философских школах и литературно-эстетических направлениях.

¹ См.: Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке. М.: Высшая школа, 1973. С. 55, 59.

² См.: Ступин Л. П. Проблема нормативности в истории английской лексикографии. М.: Наука, 1969. С. 55.

³ *Hobbes Th. Human Nature.//The English Works of Thomas Hobbes of Malmesbury. Rohm, 1859. V. 4. P. LI.*

⁴ *Eisler R. Nachschlagewerk zu Kant's sämtlichen Schriften, Briefen und Handschriften Nachlass. Berlin: Mathner und Sohn, 1930. S. 188.*

- ⁵ Адмони В. Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке... С. 69.
- ⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft.//Sämtliche Werke. Leipzig: Verlag von F. Meiner. Bd. 1. S. 224.
- ⁷ Hobbes Th. Leviathan. Cambridge: Univ Press, 1904. P. 110.
- ⁸ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon aus Wolf's sämtlichen Werken. Magdeburg: Bayrenthkop, Veirling, 1730. S. 115.
- ⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 387.
- ¹⁰ Hobbes Th. Leviathan... P. 210.
- ¹¹ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon... S. 164.
- ¹² Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 114.
- ¹³ Hobbes Th. Human Nature... P. 14.
- ¹⁴ Meissner H. A. Philosophisches Lexikon... S. 59.
- ¹⁵ Eisler R. Nachschlagewerk... S. 58.
- ¹⁶ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 113.
- ¹⁷ Ibid. S. 187.
- ¹⁸ Hobbes Th. Human Nature... P. 49.
- ¹⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft... S. 216.
- ²⁰ Hobbes Th. Human Nature... P. 14.
- ²¹ Eisler R. Nachschlagewerk... S. 37.
- ²² Hobbes Th. Human Nature... P. 49.
- ²³ Kant I. Kritik der praktischen Vernunft.//Sämtliche Werke... Bd. 2. T. 1. S. 78.

КАНТОВСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ИНТУИЦИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

А. Ф. Кудряшов
(Ленинградский горный институт)

Ставя себе задачу анализа кантовской концепции интуиции, пользоваться предметным указателем бессмысленно: Кант не употребляет термина «интуиция». Однако он уделяет большое внимание анализу проблемы всеобщего и необходимого знания, доставшейся ему «по наследству» от его предшественников-рационалистов Р. Декарта, Б. Спинозы и Г. Лейбница. Известно, что учение рационалистов об интуиции тесно связано с решением указанной проблемы, с ответом на вопрос о том, как обосновать исходные положения дедуктивных теоретических систем точного естествознания и математики. Естественно, новое решение проблемы всеобщего и необходимого знания, предложенное Кантом, повлекло за собой и развитие этого учения, разработку глубокой и оригинальной концепции интуиции, концепции, которую Кант «вплетает» в ткань рассуждений о более общих вопросах и для которой он не вводит специфических терминов.

Рационалисты подметили, что истинность аксиом математики, исходных принципов теоретических систем и т. п. не удается обосновать ни опытным, ни логическим путем. Дело в том, что такие положения обладают всеобщим, необходимым характером и потому не могут быть получены путем простого индуктивного обобщения опытных данных, так как всякий опыт обладает лишь относительной всеобщностью и носит вероятност-